

Национальная философия в пространстве поэзии: Испания и Россия

Л. Е. Яковлева
(Россия)

Resumen

El artículo analiza la relación de la filosofía y la poesía como las formas superiores de la identidad nacional. Poesía de Sergey Esenin y García Lorca se compare como los exponentes más representativos del espíritu nacional en el siglo XX.

Данная тема является актуальной и интересной для современной социокультурной ситуации по нескольким причинам. Во-первых, особенностью, как русской, так и испанской философской традиции является тесная связь философии и литературы, на определенных этапах исторического развития этих стран литература даже выполняла функции философии, как интегрирующей, объединяющей национальное самосознание силы. Во-вторых, уже начиная с Ф. де Соссюра и онтологии М.Хайдеггера, философия осознала, что язык является условием постановки и решения практически всех философских проблем. Вне рефлексии над языком нет философии. И в первую очередь это касается языка поэзии, поскольку, если язык – «дом бытия», то поэтический язык – это центральная часть этого дома, делающая его домом в подлинном смысле этого слова. Именно благодаря поэтическому языку философия ощущает себя «повсюду дома». (Хайдеггер, 1993; с.330). «Философия – сестра литературы, а не науки: она отрицает явное доказательство, философ создает тексты, которые должны убеждать, уговаривать, соблазнять». (Goma Lanzon, J, 2014, p.108).

В истории философии в ряду «героев мыслящего разума» мы находим таких великолепных художников слова как Платон, Сенека, Августин, Омар Хайям, Б.Паскаль, Вольтер, Вл. Соловьев, А.С.Хомяков, Ф.Ницше, Ж.-П.Сартр, А.Камю. А без поэзии А.С.Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И.Тютчева, С.Есенина, А.А.Блока трудно представить себе русскую философскую мысль, как без поэзии Педро Кальдерона, Мигеля де Унамуно, А. Мачадо, Ф.Гарсиа Лорки, Хуана Рамона Хименеса невозможно в полной мере понять испанскую философию.

В современной культуре под влиянием философии постмодернизма происходит переосмысление природы философии, которая рассматривается как создание пространства для обнаружения истины. Поэзия, наряду с математикой, политикой и любовью входит в число родовых процедур, определяющих это пространство. (Круглова, 2016, с.183). Сегодня нельзя ставить абстрактные вопросы о бытии, благе, справедливости, красоте, если одновременно не предложен широкий контекст, в котором эти вопросы формулируются. Символичность, целостность, многозначность художественных образов позволяет не только проиллюстрировать сложные ходы философской мысли, но и ведет к новым горизонтам философского видения мира. Литература, и поэзия в частности, по мнению Алена Бадью, не только способна продуцировать философские идеи, но и не нуждается в интерпретации извне. «Поэзия для Бадью – это «место мысли», «процедура истины», «порождающая процедура», она «врывается» в философию и полностью охватывает ее». (Тейтельбаум, с.41, 2016).

В связи с изменением характера философствования на первый план в историко-философских исследованиях выходит не логический, а культурологический метод. Изучение философии в национальном контексте, а не в ее имманентном движении, как это было присуще традиционным историко-философским исследованиям, позволяет полнее

всего выразить и осуществить бесконечное своеобразие мировой философии. Именно национальная традиция в любой социокультурной системе задает критерии культурной идентичности, постоянно воспроизводит оценочные смыслы прошлого, стабилизирует отношения между различными поколениями внутри социума. Национальная традиция выступает как интегративная характеристика исторически выработанной коллективной идентичности народа.

Характер народа образует определенную совокупность свойств, а не отдельные свойства. Это не есть то, что отличает данный народ от других. В число свойств, составляющих характер народа, могут входить как свойства общице данному народу с другими, так и свойства, каких нет у других народов. Но суть дела тут не в отличении данного народа от других (такое отличие банально), а именно в его характере как социального феномена, независимо от того, какими являются другие народы.

(А.Зиновьев, 2000, с.47)

Испания и Россия, по меткому выражению Х. Ортеги-и-Гассета, являются «противоположными полюсами европейской оси». Поэтому в культуре этих стран происходило взаимопроникновение Запада и Востока, Юга и Севера, порождая пограничный и синтетический характер этих культур. Испанская культура выступает как продукт средиземноморского евразийско-африканского культурного синтеза. Русская культура в свою очередь сочетает в себе традиции византийской культуры, монгольской государственности, церковно-славянской литературно-языковой традиции. Осознание себя как некоторой целостности, самобытного культурно-исторического типа – главный стержень философских поисков двух наций на протяжении XIX-XX вв. История формирования национальной целостности, критическое осмысление национального мировоззрения, выраженное в методологической и теоретико-познавательной проблематике – таковы ведущие типологизирующие признаки национальных философских традиций. Национальная философская традиция предстает в этом аспекте как высший уровень национального самосознания, который содержит в себе определенную картину мира, философию истории и типичную для данного сообщества иерархию ценностей.

К характерным чертам национальной философской традиции Испании относится понимание философии не как науки, а как особого способа ответственного вопрошания о смысле жизни и истины каждого человека, пронизывающего все области духовной культуры. «Жизнь» воспринимается в испанской культуре как миссия, которая не может быть оправдана достижением материального успеха или славы, но является способом реализации вечных ценностей духа. Поэтому основным понятием испанской философии является не понятие субъекта, а понятие личности как опоры вечных ценностей. А в качестве основных средств философского познания используется метафора, образно-символические формы, способные схватить противоречивый, творческий, непредсказуемый характер жизни. Неразрывная связь человека и мира, личности и бытия, онтологизация этой связи – общая черта испанских философских учений, от экзистенциализма М.де Унамуно до испанского марксизма.

Отечественные исследователи русской философской мысли, в свою очередь, выделяют антропологизм в качестве одной из характерных черт русской философии и связанное с ним понятие соборного типа духовного единения. С точки зрения представителей русского стиля мышления, только собрав в единое целое все свои духовные силы – чувственный опыт, рациональное мышление, эстетическую перцепцию,

нравственный опыт и религиозное сознание человек начинает понимать истинное бытие мира и постигать сверхрациональные истины о Боге. А.Ф.Лосев объяснял острую нехватку философских систем в России внутренним строением русского философского мышления, в основании которого лежит метафизический и божественный Логос, а не человеческий Ratio. Поэтому русская культура не просто создавала новый контекст философских традиций западноевропейской мысли, но существенно трансформировала их, пропустив сквозь призму национальных мировоззренческих установок.

Одной из важнейших функций любой национальной традиции является функция фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире и о себе. Ценности и приоритеты национальной культуры, ее система образности и ассоциативного мышления хранится в языковой картине мира (Корнилов, 1999, с.79). Неразрывная связь поэзии и философии, по мнению испанского мыслителя и писателя М.де Унамуно, объясняется не только личностным характером философского знания, но и тем, что философской рефлексии неизбежно предшествует язык и хранящийся в нем опыт, который схватывается в чувстве, в «мифопоэтическом воображении».

Подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания, непостижимости и непредсказуемости жизни, эмоциональность – общая семантическая характеристика универсума как русского, так и испанского языка. У Лорки встречается поразительная характеристика испанского народа как «пропащего народа – в голове сердце». В то же время присущий испанской философской традиции персонализм проявляется в языке в акценте на личностных действиях индивида, в то время как для русского языка характерна «пациентивная ориентация», выражающая отсутствие контроля над происходящими событиями». (Вежбицкая, 1996, с.55).

Поэтический мир С.Есенина и Г.Лорки выбран нами как объект сравнения, так как оба поэта являются наиболее репрезентативными выразителями национального духа в начале XX века. «Но и тогда,/ Когда во всей планете/пройдет вражда племен,/Исчезнет ложь и грусть - /Я буду воспевать/ Всем существом в поэте/Шестую часть земли/с названьем кратким «Русь»». (Есенин, 1970, т.2, с.91). Оба поэта через эстетизацию национального пейзажа и национального характера создавали «совокупный образ национального бытия». В творчестве Сергея Есенина осуществлен синтез языческой славянской культуры и христианства. Поэтический мир Ф.Гарсии Лорки сочетает языческие представления с элементами римской мифологии и христианства. (Арсентьева, 1995. с. 79).

Отношение к смерти является важным критерием национального характера. Если в русской душе острота переживания смерти смягчается упованием на Бога, то в испанской души живет противостояние слепой судьбе и смерти. Вечное противоборство со смертью составляет суть «трагического чувства жизни» (Унамуно) испанской культуры. «Со смертью во сне бредовом живу под одним я кровом», писал Федерико Гарсиа Лорка в цикле «Цыганский романсеро».

В других странах смерть – это конец. Она приходит и занавес падает. В Испании иначе. В Испании он поднимается. Многие здесь замурованы в четырех стенах до самой смерти, и лишь тогда их выносят на солнце. В Испании, как нигде, до конца жив только мертвый – и вид его ранит, как лезвие бритвы. Шутить со смертью и молча вглядываться в нее для испанца обыденно.

(Ф. Гарсиа Лорка, 2010, с.103)

В бое быков – национальном виде спорта испанцев – тореро борется и со смертью, готовой уничтожить его, и с геометрией строго рассчитанного действия, опираясь на спонтанность и «таинственную силу, которую все чувствуют и ни один философ не может

объяснить» (И.Гете). Наиболее ярко это отношение к смерти проявилось в «Газелле о темной смерти».

Пушай усну нежданно,/ усну на миг, на время, на столетья,/но чтобы знали все, что я не умер, / что золотые ясли – эти губы,/ что я товарищ западного ветра,/ что я большая тень моей слезинки...Ибо хочу уснуть я – но сном осенних яблок – / и научиться плачу, который землю смоем./ Ибо хочу остаться я в том ребенке смутном, который вырвать сердце хотел в открытом море.

(Ф.Гарсиа Лорка, 2007, с.334-335)

В творчестве С.Есенина тема смерти занимала одно из важнейших мест. Упоминания о смерти встречаются 400 раз в произведениях Есенина. Поэт уже в раннем творчестве предчувствовал свой ранний уход. «Все встречаю, все приемлю/Рад и счастлив душу вынуть./Я пришел на эту землю,/Чтоб скорей ее покинуть». «Суждено мне изначально/ Возлететь в немую тьму (Есенин, т.1, 1970, с.56, 102). Но сам образ смерти сопряжен в поэтическом мире С.Есенина с представлением об устремлении русского человека к вечности «как родительскому очагу» (Есенин, т.3, 1970, с.139), где царит покой. «Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник – /Пройдет, зайдет и вновь оставит дом./О всех ушедших грезит конопляник / С широким месяцем над голубым прудом». «Все мы, все мы в этом мире тленны,/ Тихо льется с кленов листьев медь.../ Будь же ты вовек благословенно,/ Что пришло процветать и умереть». (Есенин, т.1, 1970, с.190,149). Жизнь, для поэта – это «стезя», путь, «обман с чарующей тоскою, который роковые пишет письмена», но которую он благодарит за все, что она дает на близкой и любимой земле.

Любовь – еще одна «точка интенсивности», в которой человек ощущает мир живым. В испанском языке существуют различные глаголы для обозначения этого чувства – amar – любовь к чему-то, кому-то; gustar – чувствовать склонность к чему-то; querer – противоположное любви страстное чувственное желание. Так что amar – значит страдать, это вечное чувство, не имеющее конца; querer – значит наслаждаться, это чувство очень быстро проходит. В русском языке глагол «любовь» носит максимально обобщенный характер, что свидетельствует об отсутствии повышенного внимания к отношению полов как культурно-исторической доминанты. Образцом любви выступает материнская милосердная и всепрощающая Любовь. Любовь присуща не воле, а есть проявление самой метафизической сути реальности. Очень интересным в этом контексте является размышление Гарсии Лорки о различии испанских и русских колыбельных песен:

«В русских колыбельных, которые мне довелось слышать, сквозит надрывная славянская тоска – скука и даль, - неразлучная со всей их музыкой, но в этих песнях нет незамутненной, крутой и бурной простоты наших. Ребенок может свыкнуться с печалью русской колыбельной, как с непогодой за окном, но испанской печали ребенка не одолеть. Испания – страна твердых линий. Ни одного туманного перехода, где бы можно ускользнуть в запредельность. Каждый итрих, каждый контур беспощадно точен. Мертвый в Испании мертв, как нигде. И всякий, кто вздумает грезить, споткнется о лезвие бритвы»

(Гарсиа Лорка, 2010, с.72)

По-разному трактуется в поэзии Сергея Есенина и Гарсии Лорки и ключевой для данных культур образ Христа. Если в рамках православного типа ментальности смерть Христа – символ кротости, готовности испить чашу страданий до конца, а кротость, милосердие и добронравие относятся Есениным к числу основных качеств русской души. «Она (Л.Я. -Богородица) несет для мира снова/ Распятый воскресшего Христа:»Ходи, мой

сын, живи без крова,/Зорюй и полднью у куста...И может быть, пройду я мимо/И не замечу в тайный час, /Что в ельях – крылья херувима, А под пеньком – голодный Спас». (Есенин, 1970, т.1, с.60) Для испанского поэта, смерть Христа – символ бесконечного страдания и смерти, которую Он встречает с рыцарским благородством и чувством собственного достоинства. «Испания./В матовом небе/светло и пустынно./Усталые реки, /сухая и звонкая глина./Христос остроскулый и смуглый идет мимо башен,/ обуглены пряди, / и белый зрачок его страшен. Спешите, спешите за Господом нашим!» (Гарсиа Лорка, 2007, с.201).

Персонализм, индивидуализм как яркие черты испанской философской традиции противостоят онтологизму, всеединству как отличительной черте русского стиля философского мышления.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. GOMA LANZON, J., 2014: *Se vive, se ama, se desea, se sufre, se enbejese, se tiere*. Barcelona, Galaxia Gutenberg, S.L., 148 p.
2. АРСЕНТЬЕВА, Н.Н., 1995: «Серебряный век» русской и испанской поэзии. Опыт сопоставления. М., РИО МПГУ, 108 с.
3. ВЕЖБИЦКАЯ, А., 1996: *Язык. Культура. Познание*. М., «Русские словари», 416 с.
4. ГАРСИА ЛОРКА, Ф., 2007: *Цыганское романсеро*: Сборник. М., ОАО Издательство «Радуга», 560 с.
5. ЗИНОВЬЕВ, А., 2000: *Запад*. М., ЗАО, Изд-во Центрполтиграф, 509 с.
6. ЕСЕНИН, С., 1970: *Собрание сочинений в 3-х томах*. М., Изд-во Правда, Т.1, 383 с.
7. ЕСЕНИН, С., 1970: *Собрание сочинений в 3-х томах*. М., Изд-во Правда, Т.3, 383 с.
8. КОРНИЛОВ, О.А., 1999: *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. М., 317 с.
9. КРУГЛОВА, И.Н., 2016: «Операциональная концепция природы и специфики философии». *Философия и наука: проблемы соотношения. Алешиинские чтения – 2016*. Материалы международной конференции. Москва, 7-9 декабря 2016 г./Отв. ред.Т.А.Шиян. М., РГГУ, сс.183-189.
10. ТЕЙТЕЛЬБАУМ, Е.С., 2016: *Испанская и португальская философия конца XIX-первой трети XX века: философствование в пространстве литературы и формы этого философствования в творчестве М.Унамуну, А.Мачадо и Ф.Пессоа* / диссертация .... к. филос. н. Екатеринбург, 142с.
11. ХАЙДЕГГЕР, М., 1993: *Время и бытие*. М., Республика, 445с.